

СМЕНА

— ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Театр, я думаю, не ощутил бы потери, если вдруг среди его верноподанных не оказалось меня, но моя жизнь без театра попросту не состоялась бы, — говорит народная артистка Таджикской ССР актриса Академического театра драмы имени Лахути Майрам Исаева, которая уже 21 год выходит на сцену своего родного театра.

● ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

«Я ЗА ЧУДО ИСКУССТВА»

Пожалуй, не найдется такого спектакля, в котором она не сыграла бы одну из ведущих ролей. Однако дважды в жизни Исаевой были моменты, когда она могла и не стать актрисой.

После окончания школы Майрам поступала на юридический факультет Таджикского государственного университета. Этот шаг был осознанным. Девушка с детства стремилась к справедливости. Правда, у нее со школьной скамьи была еще одна привязанность — кинематограф: участвовала в дублировании нескольких кинофильмов на таджикский язык. Но это, как ей казалось, была всего-навсего несбыточная мечта. И вдруг, как гром среди ясного неба: Майрам предложили участвовать в конкурсе, в случае победы на котором она поехала бы на учебу в Москву, в Государственный институт театрального искусства.

Исаева вспоминает, что с легкостью согласилась на это предложение, не очень-то рассчитывая на успех. Но он ей сопутствовал. Взыскательные экзаменаторы увидели то, что будущая актриса едва начинала чувствовать в себе, — приметы дарования. Начало занятий в Москве также складывалось как нельзя лучше для Майрам. Этюды, которые ее товарищи репетировали многократно, удавались Исаевой сразу. Это радовало, но и тревожило. Будущая профессия стала казаться студентке слишком доступной и в какой-то степени несерьезной. У Майрам даже мелькнула мысль о возвращении на юридический факультет Университета. И вот, приехав домой на первые свои студенческие каникулы, она поделилась своими сомне-

ниями с родителями. Отец и мать в один голос сказали: «Несерьезного дела не бывает, дочка, бывают легкомысленные люди».

— Родительские слова заставили меня иначе взглянуть на учебу в Театральном институте, — говорит Майрам Исаева. — Если мне что-то дается легче, чем другим, решила я, значит, нужно ставить перед

собой, пользуясь терминологией Станиславского, сверхзадачу.

— И вы следуете однажды принятому решению постоянно?

— Да. Причем в сверхзадаче вижу нечто большее в сравнении с тем, что имел в виду Станиславский, говоря об актерском мастерстве. К примеру, я давно хотела испытать себя как режиссер, но побоялась, а выйдет ли. Наконец недавно решилась. Поставила спектакль по пьесе таджикской писательницы Мавлуды Хакимовой «Ожидание». Говорят, получилось. Но считаю, что это только начало, попробую еще раз выступить в роли режиссера.

В студенческие годы пробовала заниматься литературным творчеством, кое-что написала... Примерно год назад наш известный драматург Гани Абдуло предложил в соавторстве написать пьесу о революционере и поэте Абулькасиме Лахути, имя которого носит наш театр. Сейчас она готова. Будем надеяться, что пьеса увидит свет на сцене Академического театра драмы имени Лахути.

— Ваш режиссерский дебют, увлечение драматургией — что это: шедрое расточительство, продолжение поисков себя или?..

— Я актриса. Мне кажется, любому, кто всерьез вышел на сцену, нельзя даже пытаться ограничивать свой мир кулисами и рампой. Это творческая смерть. Нужно искать и находить что-то рядом со своей профессией, а может быть, далеко от нее. Я бы с радостью прожила сполна жизнь многих своих героинь. Но это невозможно. Ролей уже более 150, а собственная

жизнь — всего одна. Приходится вмещать в себя все это обилие радостей, страданий, а порой — жестокость, предательство, равнодушие... Делать все это надо на пределе убедительности, искренности. Иначе перед зрителем вместо правды предстанет неловкая ложь...

— А есть роли, которые даются без очень больших уси-

— Широта актерского диапазона должна подкрепляться высоким мастерством, в частности искусством трансформации. Вы за перевоплощение на сцене? Ведь сейчас театральная условность нередко возводится в какую-то новую степень: говорят, что главное — точная передача мысли, сдержанность чувств — обыденность в манере игры, что многие атрибуты театральной сцены устарели.

— Я против театра без грима, декораций и достоверности реквизита. Жестокая Бернарда Альба из пьесы Фредерико Гарсиа Лорки практически ничего общего не имеет со мной. Правдивому перевоплощенному помогают удачно найденные штрихи грима, жесты, походка, костюм, декорации, которым веришь.

Я за чудо искусства, ожиданием которого в равной мере живут актер и зритель. Поэтому я за театральные занавес. Он не разделяет сцену и зрительный зал, но делает ожидаемое волшебство театра несбыточным и потому праздничным.

— Все ли сыгранные вами роли объединены какой-то главной для вас темой?

— Я всегда старалась это сделать. Поначалу, правда, не до конца осознанно, интуитивно. Главным для себя считаю утверждение женщины как личности, ее права на духовную свободу, на счастье. Я говорю не о бабской доле, а о Женщине, Матери с большой буквы.

Наш национальный театр, в котором актеры обращаются к зрителю на родном таджикском языке, начинался чуть более полувека назад. Вместе с ним в таджикский язык вошло само слово «театр». Мои старшие товарищи помнят, как в первые годы, когда театру предшествовал самостоятельный драматический кружок, все женские роли играли юноши. Ислам запрещал женщине появляться не только на сцене, но и в зрительном зале. Сейчас воспоминание об этом может вызвать улыбку, но первым нашим профессиональным актрисам — Софье Туйбаевой, балерине Лютфи Захидовой часто было не до смеха. Женщине, решившей выйти на сцену, в ту пору нужно было, кроме таланта, обладать и огромной силой духа... Конечно, это не означает, что сейчас покончено со всеми пережитками прошлого, о чем мы, актрисы, никогда не должны забывать.